

Метафора *дым отечества* в прошлом и настоящем: литературные истоки, семантика, речевые функции

Николай Леонидович Васильев, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет (Россия, Саранск), nikolai_vasiliev@mail.ru

Дмитрий Николаевич Жаткин, Пензенский государственный технологический университет (Россия, Пенза), ivb40@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170005211-1

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается история бытования в русской речи международного латинизированного крылатого выражения *Et fumus Patriae dulcis* ‘И дым Отечества сладок’, концентрированно выразившегося в разных идейно-эстетических и структурных вариациях в метафоре-перифразе *дым отечества*. Приводятся примеры использования этой поэтической формулы, — появившейся еще у Гомера («Одиссея») и приобретшей свой канонический вид у древнеримского элегика Овидия, — в творчестве отечественных поэтов, прозаиков, драматургов, публицистов, журналистов, начиная со второй половины XVIII века и заканчивая современностью (Ф. Я. Козельский, Г. Р. Державин, Ф. О. Туманский, С. Н. Глинка, В. Т. Нарезный, К. Н. Батюшков, И. И. Дмитриев, А. С. Грибоедов, Ф. Н. Глинка, А. С. Пушкин, Н. М. Языков, П. А. Вяземский, В. Г. Белинский, Ф. М. Достоевский, И. А. Гончаров, Ф. В. Булгарин, А. И. Герцен, И. С. Тургенев, Н. С. Лесков, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. П. Чехов, Д. С. Мережковский, М. А. Кузмин, В. В. Маяковский, М. Горький, К. Н. Паустовский, М. А. Алданов, К. М. Симонов, Б. А. Слуцкий, А. Н. Рыбаков, В. П. Аксенов, В. С. Пикуль, В. О. Пелевин и др.). Анализируются смысловые подтексты ее ввода в речевые высказывания,

художественные, идеологические, пародийно-комические функции и каламбурно-трансформационные приемы употребления в произведениях разных авторов. Особое внимание уделено отражению данного афоризма в стихотворении Г. Р. Державина «К арфе NN» и в комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», словарным интерпретациям популярного крылатого выражения, обобщению существующих работ по этой теме.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Гомер, Овидий, Державин, Грибоедов, крылатая фраза, реминисценции, цитаты, словари

для цитирования: Васильев Н. Л., Жаткин Д. Н. Метафора *дым отечества* в прошлом и настоящем: литературные истоки, семантика, речевые функции // Русская речь. 2019. № 3. С. 60–72. DOI: 10.31857/S013161170005211-1

From the History of the Russian Language

Dym Otechestva (*Smoke of Homeland*) Metaphor in the Past and in the Present: Origins in Literature, Semantics, Discourse Functions

Nikolai L. Vasilyev, National Research Mordovia State University (Russia, Saransk),

nikolai_vasiliev@mail.ru

Dmitry N. Zhatkin, Penza State Technological University (Russia, Penza), ivb40@yandex.ru

ABSTRACT: The article explores the history of use of the internationally attested Latin proverb “*Et fumus Patriae dulcis*” (“*Sweet is the smoke of homeland*”) in Russian discourse where it has been condensed and redefined as a metaphor-phrase *dym otechestva*, which can appear in various ideological, esthetic and structural contexts. This poetic formula made its appearance as

early as in Homer's *Odyssey* and acquired its canonical form in the works of the Roman poet Ovid. We give examples of use of the same metaphor in works of Russian poets, novelists, playwrights and journalists starting from the second half of the 18th century and ending with contemporary writers (F. Ya. Kozelsky, G. R. Derzhavin, F. O. Tumansky, S. N. Glinka, V. T. Narezhny, K. N. Batyushkov, I. I. Dmitriyev, A. S. Griboyedov, F. N. Glinka, A. S. Pushkin, N. M. Yazykov, P. A. Vyazemsky, V. G. Belinsky, F. M. Dostoyevsky, I. A. Goncharov, F. V. Bulgarin, A. I. Herzen, I. S. Turgenev, N. S. Leskov, M. E. Saltykov-Shchedrin, A. P. Chekhov, D. S. Merezhkovsky, M. A. Kuzmin, V. V. Mayakovsky, M. Gorky, K. N. Paustovsky, M. A. Aldanov, K. M. Simonov, B. A. Slutsky, A. N. Rybakov, V. P. Aksenov, V. S. Pikul, V. O. Pelevin, etc.).

We analyze semantic connotations associated with introduction of the metaphor in speech acts; artistic, ideological, parody-comical functions of the metaphor; transformational quibbles resulted from its use in works of various authors. In particular, we investigate how this metaphor is reflected in Derzhavin's poem *To the Harp NN* and in Griboyedov's comedy *The Woes of Wit*, examine dictionary interpretations of the metaphor and summarize the existing works on this topic.

KEYWORDS: Homer, Ovid, Derzhavin, Griboyedov, popular expression, reminiscences, quotes, dictionaries

FOR CITATION: Vasiliev N.L., Zhatkin D. N. *Dym Otechestva (Smoke of Homeland)* Metaphor in the Past and in the Present: Origins in Literature, Semantics, Discourse Functions. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2019. No. 3. Pp. 60–72. DOI: 10.31857/S013161170005211-1.

Кто не помнит хрестоматийные строки из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», вложенные в уста Чацкого: «Когда ж постраствуешь, воротись домой, / И дым Отечества нам сладок и приятен!» Между тем курсивно выделенная драматургом цитата принадлежит не автору, имеет долгую литературную предысторию и, более того, вовсе не патриотична в контексте раздраженной иронии грибоедовского героя, одним из прототипов которого являлся западник П. Я. Чаадаев.

В статье ставятся задачи осветить основные версии происхождения популярного крылатого выражения, проследить диахроническую перспективу его бытования в отечественной словесности на протяжении почти двух с половиной веков. А также выявить разнообразные речевые функ-

ции, интертекстуальные переключки и эволюцию смысловых нюансов в различных контекстах употребления этого фразеологического выражения, сконцентрированного в виде метафоры-перифразы *дым отечества* [Петрова 1968].

Исторически корни данного концепта связаны с родо-племенным строем, когда горящий очаг давал тепло, пищу, защищал от диких зверей, выполнял ритуально-знаковую роль, обозначая границы обжитого пространства, символизировал свой род, семью, а позже страну отцов, то есть *отечество* [Ерофеева 1994]. Дым, прежде всего как следствие поддерживаемого в мужской половине жилища огня, служил, вероятно, и ориентиром, маяком в условиях островной средиземноморской культуры. Не случайно этот словесный образ, формировавшийся в древних эпосах, классически предстает в «Одиссее» Гомера, отражая, несмотря на горьковатый привкус дыма, притягательность родных берегов, тепла и запаха своего дома.

В преемственно связанной с греческой словесностью древнеримской литературе возникает и устойчивая поэтическая формула, получившая широкое звучание в латинизированной западноевропейской культуре, благодаря самому известному римскому изгнаннику — Овидию, писавшему в одной из своих элегий о влекущем запахе родины: «*Et fumus Patriae dulcis*» («И дым Отечества сладок») [Грот 1865: 2, 189–194].

К XVI веку это высказывание стало крылатой фразой, распространившейся в Западной Европе [Корешков, Зельченко 2010], а позже и в России, где латынь, отчасти при польско-литовском посредничестве, постепенно превратилась в инструмент приобщения к учености, античности, культуре европейского Средневековья, Ренессанса и Нового времени, поскольку даже в XIX в. использовалась в сферах обучения и науки [Воробьев 1999].

Следовательно, интересующее нас выражение — буквальный перевод на русский язык популярного латинского изречения, бытовавшего в католическо-протестантском мире [Михельсон 1902: 1, 360–361; Бабкин, Шендецов 1981: 1, 438; Ашукин, Ашукина 1987: 136–137]. Проследим его литературную историю на русской почве.

Впервые эта крылатая фраза встречается в нравоучительном «размышлении» поэта-классициста, выходца из Малороссии, Ф. Я. Козельского «О любви отечества» (1772):

О, коль отечество всем должно быть любезно!
Оно нам жизнь дает, оно питает нас,
Покоит, веселит, блюдет во всякий час.
Кто будет, злом хотя, от одного отвратен?
Скажу с творцом: и дым отечества приятен.

Гораздо бо́льшую известность приобрело лирическое высказывание Г. Р. Державина в стихотворении «К арфе NN» (1798) — с видоизмененным финальным аккордом:

Когда наследственны стада я буду зреть,
Вас, дубы камские, от времени почтенны!
По Волге между сел на парусах лететь
И гробы обнимать родителей свящанны?

Звучи, о арфа! ты всё о Казани мне!
Звучи, как Павел в ней явился благодатен!
Мила нам добра весть о нашей стороне:
Отечества и дым нам сладок и приятен.

Этот античный образ был не только взят на вооружение российскими поэтами, но и использовался (в латинском и русском вариантах) в патриотическом ключе в качестве эпитафий к журнальным страницам «Российского магазина» (1792–1794) Ф. О. Туманского и «Русского вестника» (1808–1824) С. Н. Глинки, что умножило популярность этого афоризма.

Неудивительно, что греко-латинский образ начинает активно употребляться в разнообразных литературных жанрах, иногда структурно трансформируясь, например: «...Во всяком наречии языков есть своя красота; а к тому, когда и дым отечества сладок, то и сия воня благоухания мыслей отечественных есть наисладчайшая» (А. К. Лобысевич — Г. О. Конисскому, 1794); «Приятно возвращение в свою отчизну: и дым отечества сладок...» (В. Каразин. Речь на основание в городе Харькове университета. 1803); «Я походил на ребенка, которого прежде времени отняли от груди матерней... Никогда живее не чувствовал Горациева стиха *et fumus patriae dulcis*. Выражение сие... пришло мне на мысль кстати; ибо, подходя к своей хижине, увидел, что она полуразвалилась» (В. Нарезный. Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова. 1812); «Державин камские воспоминал дубравы, / Отчизны сладкий дым и древний град отцов» (К. Батюшков. Послание к И. М. М^уравьеву>-А^упостолу>. 1816); «Как счастлив Батюшков под голубым небом Авзонии! Однако ж не лишайте его сведений о плодах отечественного огорода. <...> “Отечества и дым приятен!”» (И. И. Дмитриев — А. И. Тургеневу, 19 мая 1819 г.).

И даже после распространения списков комедии «Горе от ума», о стихах которой А. С. Пушкин прозорливо заметил в письме к А. А. Бестужеву в конце января 1825 г., что «половина — должны войти в пословицу» [Пушкин 1949: 10, 122], ссылки на популярный фразеологизм редко меняли привязку к античности и ее преломлению в лирике Державина. Так, Ф. Н. Глинка предпослал стихотворению «Сон русского на чужбине» (1825) эпитаф «Отечества и дым нам сладок и приятен! *Державин*», дополнив его

другими параллелями с предшественником: «...И широко гуляет Волга / В заповедных своих лугах...», «И мчится тройка удалая / В Казань дорогой столбовой, / И колокольчик — дар Валдая — / Гудит, качаясь под дугой...»; «Желаю вам окрепнуть и возвратиться молодым под небо той страны, которой самый дым, по слову Гомера, нам приятен и любезен» (Н. М. Языков — В. Д. Комовскому, 6 мая 1836 г.); «Прихожу вечером домой и вижу письмо... два почерка — один такой разборчивый... другой — каракули; но Державин сказал: “И *дым отечества* нам сладок и приятен” — вот почему милы мне и каракули» (В. Г. Белинский — Бакуниным, 23 февраля 1843 г.).

Особенно впечатляет остроумная апелляция к антично-державинской традиции в пушкинском кругу литераторов, например: «Я барахтаюсь в грязи молдавской... Ты — барахтайся в грязи отечественной и думай: “Отечества и грязь сладка нам и приятна”» (А. С. Пушкин — П. А. Вяземскому, март 1823 г.); «Поэт сказал — и стих его для нас понятен: / “Отечества и дым нам сладок и приятен”! / Не самоваром ли — сомненья в этом нет — / Был вдохновлен тогда великий наш поэт? / И тень Державина, здесь сетуя со мною, / К вам обращается с упреком и мольбою» (П. Вяземский. Самовар. 1838).

В середине XIX века становится популярным шутивное соотнесение патристического концепта с табачной индустрией, например: «В нынешнее табачное время это настоящее *лакомство*, и многие любители табакокурения благодарят меня за указание этого *лакомства* нашего времени. <...> Вот и сбылась древняя римская поговорка: “И дым отечества нам сладок и приятен!”» (Ф. Булгарин. Заметки... 1856) [Ф. Б. 1856: 3]; «Чистые душою соотечественники наши оставляли с увлечением прибранные комнаты и порядочное вино отелей, чтоб бежать с Мюллером в душную полпивную. Они все были вне себя от буршикозной жизни, и скверный табачный дым Германии — им сладок и приятен был» (А. Герцен. Былое и думы. 1864).

Интерес представляет каламбурная интерпретация античного образа в эпиграмме на роман И. С. Тургенева «Дым»: «“И дым отечества нам сладок и приятен!” — / Так поэтически век прошлый говорит. / А в наш — и сам талант всё ищет в солнце пятен, / И смрадным дымом он отечество коптит» (Голос. 1867, 22 июня). Ее автором был, вероятно, старый «арзамасец» князь П. А. Вяземский [Николаев 1987: 421], а не Ф. И. Тютчев, как считалось ранее, хотя эта версия по-прежнему фигурирует, см., например: [Тютчев 2003: 2, 173, 537–538].

Не прошли мимо указанного образа многие известные прозаики, внося в него те или иные контекстные нюансы (сатирические, ностальгические, комические), например: «— Взятками-с! — подхватил Ползунков. — Эх! “Пусть я буду либералом, / Каких много видел я!” если вы тоже, как вам попадется служить в губернии, не погреее рук... на родном очаге... Зане, сказал один литератор: “И дым отечества нам сладок и приятен!” Мать,

мать, господа, родная, родина-то наша, мы птенцы, так мы ее и сосем!..» (Ф. Достоевский. Ползунков. 1847); «...Не дым, а лед отечества нам сладок и приятен!», «Летают воробьи и грачи, поют петухи, мальчишки свищут, машут на проезжающую тройку, и дым столбом идет вертикально из множества труб — дым отечества! Всем знакомые картины Руси!» (И. Гончаров. Фрегат «Паллада». 1855); «Приближение к России наполняло беспокойное воображение Жозефа неописанными страхами... завтра он будет в отечестве, “которого и дым нам сладок и приятен”, и увидит наконец свою жену и ее малюток, которые, без сомнения, выросли и похорошели в это время, как он находился в бегах из Петербурга» (Н. Лесков. На ножах. 1870); «Мало того: она [литература] дала тебе возможность различать добро от зла... научила тебя распознавать, что у тебя есть отечество. Кто поведал тебе: “И дым отечества нам сладок и приятен...”. Откуда ты узнал: “О Росс! о род непобедимый! / О твердокаменная грудь!”. Всё оттуда же, из этой постылой литературы, которая всякую потребность предусмотрела и на всякую ответ дала» (М. Салтыков-Щедрин. Круглый год. 1879–1880); «Житье на колокольном заводе медовое, не с чего, кажись бы, старшему мастеру скучать, но, знаешь, дым отечества. Поезжай ты в Америку, сядь там по горло в сторублевки, а тебя всё в твой трактир тянуть будет» (А. Чехов. Староста. 1885); «Я очень большая патриотка, иначе не говорю и не пишу, как по-русски, согласна даже любить дым отечества, но вонь переносить не могу» (А. Апухтин. Архив графини Д **. 1890); «Чтобы показать, что он тоже не лыком шит, генерал не избегал ученых цитат, но главную силу и убедительность полагал все-таки в простоте и ясности. “Любезные станичники! Я не более как две недели каких-нибудь вернулся из чужих краев... <...> И конечно, я всем сердцем спешил сюда, на родное пепелище... Сами знаете: “И дым отечества нам сладок и приятен”, как сказал наш Пушкин...” — Чекушкин? — переспросил как будто все тот же тонкий, издевательский голос...» (Ф. Крюков. Шквал. 1909).

В эпоху Серебряного века, несмотря на ее авангардные устремления, прослеживаются разнообразные связи с классикой, в частности и по линии оригинальной эстетической адаптации перифразы *дым отечества*, например в знаково-патриотическом или, наоборот, комическом ключе: «Я осенью в тот год увидел Крым: / Казался край далекий сном волшебным. / Я не из тех, кому приятен дым / Отечества, и был всегда целебным / Мне путь далекий к небесам иным» (Д. Мережковский. Старинные октавы. 1895–1899); «Теперь узнал, как то ни больно, / Что я ловил пустой фантом, / И дым отечества невольно / Мне сладок, как родимый дом» (М. Кузмин. Возвращение дэнди. 1913); «Чужими / руками / жар гребя, / дым / отечества / пускают / пострёлины (окказиональное образование от слова *пострел* [Вишневский 1987: 110–111]) — / выставляют / впереди / одура-

ченных ребят, / баронов / и князей недорасстрелянных» (В. Маяковский. Хорошо. 1927). В программном стихотворении «У врат царства» (1920) из сборника «Дым без отечества» (Париж, 1921) Дон-Аминадо (А. Шполянский) выразил грустные эмигрантские настроения: «Все опростали. И всё опростили. / Взяли из жизни и нежность, и звон. / Бросили наземь. Топтали и били. / Пили. Растили. И выгнали вон... // Долго плясала деревня хмельная. / Жгла и ходила смотреть на огонь. / И надрывалась от края до края / Хрипая, злая, шальная гармонь. // Город был тоже по-новому весел. / Стекла дырявил и мрамор дробил. / Ночью в предместьях своих куролесил, / Братьев готовил для братских могил. // Жили, как свиньи. Дрожали, как мыши. / Грызлись, как злые, голодные псы. / Строили башню, всё выше и выше, / Непревзойденной и строгой красы. // Были рабами. И будут рабами. / Сами воздвигнут. И сами сожгут. / Господи Боже, свершишь ли над нами / Страшный, последний, обещанный Суд?!» (Дон-Аминадо. Наша маленькая жизнь. Стихотворения. 1994).

Актуален этот гражданственный концепт и в прозе первой половины XX столетия, особенно в творчестве писателей, связанных с эмиграцией, например: «Отсыревшая папироса курилась туго, дым казался невкусным. “И дым отечества нам сладок и приятен”. Отечество пахнет скверно. Слишком часто и много крови проливается в нем» (М. Горький. Жизнь Клима Самгина. Четвертая часть. 1931–1936); «Дым отечества пахнул мне в лицо на необычайно грязных улицах Петербурга — я отвык от России и сразу примечал ее недостатки. Мне был сладок и приятен этот дым отечества» (М. Осоргин. Времена. 1942); «Он вспомнил о петербургских обедах, о водке, об икре, но тут же решительно себе подтвердил, что нисколько не сожалеет о своей поездке. “Когда, постраниствуя, воротиться домой, — И дым отечества...” Все у нас, кстати, думают, что дым отечества это из Грибоедова. А Грибоедов это взял у Гомера... Месяца три-четыре можно провести и без дыма отечества и даже без отечества...» (М. Алданов. Истоки. 1942–1946).

Образ *дыма отечества*, высвечивающий разные грани чувственно воспринимаемых представлений о родине, чрезвычайно популярен в поэзии и прозе последних десятилетий, например: «Что ты стелешься над пожарищем? / Что не вьешься над белой трубой? / Дым отечества? / Ты — другой, / Не такого мы ждали, товарищи» (Б. Слуцкий. Домой. 1950-е); «В марте сорок первого года я вернулся в родной город, в родной дом, на родную фабрику. Что вам сказать? Дым отечества... Всё, как говорится, течет, всё изменяется... и всё же если ты возвращаешься в город, где родился и вырос, он для тебя такой же, какой и был: дуют те же ветры... и солнце светит — солнце твоего детства» (А. Рыбаков. Тяжелый песок. 1978); «Он повесил трубку и облегченно вздохнул — вот я и дома: все соединилось, водка

и дым отечества — это мой дом, Россия, мой единственный дом» (В. Аксенов. Остров Крым. 1979); «...И мнится, что осенью снова просить у Канады / удачливый хлеб — за колымский червонец, вестимо, / раз мерзлой земле и теперь не хватает лопаты, — / Приходится ломом, — пенял на погосте детина. // Крупица любви прободала болящую душу. / И в горле першит от Отечества сладкого дыма... / Схватить бы за горло партийца ротшильда чинушу — / И спрятаться в поезд — идущий до нежного Крыма!» (Ю. Кублановский. Апрель — 79. 1979); «Как помнится всем из гимназической хрестоматии, “и дым отечества нам сладок и приятен”. Итак, вы снова в любезных сердцу краях, а посему стесняться вам уже нечего» (В. Пикуль. Каторга. 1987); «А во второй день душа моя вспомнит свои скитанья, / там, где, как говорят, и дым приятный и сладкий, / где древний призрак Отечества с ходу дает задание — / принести ему то — не ведаю что и разгадать загадки» (О. Николаева. Три дня. 1988), см. также [Иванюк 2008]; «Только с краю, почти под самым мостом, двое пограничников жгли ветки, и дым летел прямо в поезд. “Поддерживают дым отечества”, — проговорил остроумный Саня Бурштейн...» (В. Попов. Грибники ходят с ножами. 1998).

Отдельно нужно отметить лирическую трансформацию данного фразеоконцепта в наши дни, начало чему, вероятно, положило стихотворение Н. А. Зиновьева «Кто читает стихи? Лишь поэты» (1991): «Боже мой! Что стряслось и случилось / со странною, с душою, со мной? Сяду в поезд, махну до Тамбова / и, глотая Отечества дым, раскопаю то древнее слово, / что родное сблизит с чужим...». Ср. следующие реминисценции и перепевы: «Опоздали, ведь шли мы не в ногу / И, глотая Отечества дым, / Мы теперь, проклиная дорогу, / На своем полустанке сидим» (Г. Покровский. Опоздали. 2013) [Стихи.ру]; «Чтоб тучи над нами не встали, / Не застили нам оком, / Мы листья в кострище сгребали, / Играли с веселым огнем, // Как птицы, на взлете галдели, / Глотая отечества дым, / И песни задорные пели, / И звали наш век золотым» (Ю. Воротнин. Воспоминание о юности. 2016) [Воротнин 2016]; «Я тоскую по той России, / Где томили варенье в тазах, / Где все девушки косы носили / И читали романы в слезах... // Где отцы свою шею не гнули / Пред царем и тельцом золотым, / А юнцы за идею — под пули / Шли, глотая Отечества дым...» (А. Колобаев. Соблазны фантомной памяти. 2017) [Поэмбук.ру].

Остроумное модернистское совмещение разных подтекстов предшествующего употребления анализируемой максимы можно наблюдать в романе В. О. Пелевина «Generation “П”» (1999), где парадоксально контаминируются отечественные и зарубежные вербальные «продукты» и рекламные «технологии»: «Торопливо вытащив записную книжку, он застрочил: “Плакат представляет собой фотографию набережной Москвы-реки, сделанную с моста, на котором в октябре 93 года стояли истори-

ческие танки. На месте Белого дома мы видим огромную пачку “Парламента” (компьютерный монтаж). Вокруг нее в изобилии растут пальмы. Слоган — цитата из Грибоедова: И ДЫМ ОТЕЧЕСТВА НАМ СЛАДОК И ПРИЯТЕН. ПАРЛАМЕНТ”» <...> Впоследствии *дым Отечества* так и канул в Лету или, если точнее, в зиму, которая наступила неожиданно рано».

Крылатое выражение нередко фигурировало в названиях произведений, будучи особенно востребованным в XX веке: статья М. А. Осоргина «Дым отечества» (1916), цикл рассказов И. И. Савина «Дым отечества», напечатанный в 1923 г. в газете «Русские вести» в Хельсинки, роман К. Г. Паустовского «Дым отечества» (1944), повесть-эссе о заграничных поездках К. М. Симонова «Дым отечества» (1946–1947), литературный сценарий А. Н. Вертинского об эмигрантской жизни «Дым без отечества» (1956) [РГАЛИ], фильм «Дым отечества» о холмогорской юности М. В. Ломоносова (сценаристы В. Акимов и Э. Володарский, режиссер Я. Лапшин, 1980) и др. С 2015 года в Сыктывкаре выходит журнал «Дым отечества» [Дым отечества].

В Интернете можно познакомиться с патриотическими и пародийными песнями, эксплуатирующими образ *дым отечества*, например: «Учил урок прилежно школьный мой приятель, / Что дым отечества нам сладок и приятен. / Но в детство канула забытая тетрадка, / Давно дымит мое отечество не сладко. // <...> // [Припев:] Мое отечество, мое отечество, / Где горек дым, но нет его дороже...» (Дым отечества, слова Л. Рубальской, музыка и исполнение А. Добронравова) [Тексты песенок]; «А что может лучше быть, братцы, / Чем свет над родимой Окой? / Петрович забыл улыбаться. / Петрович подумал: на кой? / И с тем полетел восвояси, / Глотая отечества дым... / С той давней поры все девайсы (технические устройства, приспособления. — Н. В., Д. Ж.) / Его причисляют к святым...» (О. В. Паршев. Кулибин-вальс: ЖЗЛ-6) [Читальня.ру].

Сделаем выводы. По своему происхождению крылатое выражение, квинтэссенцией которого является метафора *дым отечества*, представляет собой перевод латинского афоризма, сформировавшегося на основе элегии Овидия. Латинская словесность была хорошо известна в России, изучалась в оригинале. В сознании современного читателя крылатое выражение ассоциируется главным образом с комедией «Горе от ума», где изначальный смысл античного выражения иронически подменяется. Но приписывать Грибоедову авторство анализируемого высказывания так же ошибочно, как утверждать, что пушкинский «Памятник» являлся буквальным самовыражением поэта, а не художественным диалогом с Горацием и его интерпретаторами... Последующие употребления данного образа, отрываясь от первичного физического и знакового восприятия, конкретизируются иными ассоциациями, на чем и основано комическое,

вплоть до энантиосемии, использование популярной сентенции. В некоторых современных словарях закрепились неточная трактовка указанного фразеологизма, комментируемого под влиянием «Горя от ума» с субъективным вторичным довеском: «О любви к родине, о том, что даже отрицательные ее черты близки и дороги» [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2008: 1, 430–431; Шулежкова 2011: 281–282; сравни: Грибоедов 2007: 210–211]. *Дым отчества* — это то, что, несмотря на эфемерность, напоминает о родине и поэтому, безусловно, привлекательно.

Источники

- Дым отчества: историко-краеведческое издание [Электронный ресурс]. URL: <http://dymotechestva.ru/>
- Поэмбук.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://poembook.ru/poem/1492070>
- РГАЛИ, ф. 2418 (А. Н. Вертинский), оп. 1, ед. хр. 60–62.
- Стихи.ру [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stihi.ru/2013/06/17/2536>
- Тексты песенок [Электронный ресурс]. URL: <http://teksty-pesenok.ru/rus-adobronravov/tekst-pesni-dym-otechestva/1720603/>
- Читальня.ру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.chitalnya.ru/work/1151589/>

Литература

- Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. 4-е изд., доп. М.: Художественная литература, 1987. 528 с.
- Бабкин А. М., Шендецов В. В. Словарь иноязычных выражений и слов: В 2 т. 2-е изд. Л.: Наука, 1981–1987. 696 с.
- Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка: В 2 т. Магнитогорск: МаГУ; Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008.
- Вишневский К. Д. Поэма В. В. Маяковского «Хорошо»: Комментарий. М.: Просвещение, 1987. 208 с.
- Воробьев Ю. К. Латинский язык в русской культуре XVII–XVIII веков. Саранск: Изд-во Мордовского университета, 1999. 240 с.
- Воротнин Ю. Глотая отчества дым... // Наш современник. 2016. № 2. С. 15–18.
- Грибоедов А. С. Горе от ума: Комедия в четырех действиях в стихах / Словарь языка комедии «Горе от ума» / Сост.: Л. М. Баш, Н. С. Зацепина, Л. А. Илюшина, Р. С. Кимягарова. М.: ОНИКС; Мир и Образование; Русские словари, 2007. 592 с.

- Грот Я. К. Примечания // Державин Г. Р. Сочинения: В 9 т. / С объяснительными примечаниями Я. К. Грота. СПб.: В типографии императорской Академии наук, 1864–1883.
- Ерофеева Н. Н. О культурной толще крылатого выражения «дым отечества – сладок» // Диалог культур: Материалы научной конференции «Випперовские чтения – 1992». Вып. XXV / Под общей ред. И. Е. Даниловой. М.: ИВГИ РГГУ, 1994. С. 77–87.
- Иванюк Б. П. Об одной рецепции державинского стиха «Отечества и дым нам сладок и приятен» // Державин и культура казанского края: Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 265-летию со дня рождения Г. Р. Державина. Казань: Изд-во Казанского государственного университета, 2008. С. 108–119.
- Корешков К. С., Зельченко В. В. «Дым отечества» от Гомера до Грибоедова // Русская судьба крылатых слов / Отв. ред. В. Е. Багно. СПб.: Наука, 2010. С. 461–502.
- Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1902–1903.
- Николаев А. А. Примечания // Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений / вступ. ст. Н. Я. Берковского; сост., подгот. текста и прим. А. А. Николаева. Л.: Сов. писатель, 1987. С. 359–424.
- Петрова З. М. Дым отечества // Русская речь. 1968. № 6. С. 82–84.
- Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. М.–Л.: Наука, 1949.
- Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и письма: В 6 т. / Сост. и общая ред. В. Н. Касаткиной. М.: Классика, 2002–2004.
- Ф. Б. [Ф. В. Булгарин]. Заметки, выписки и корреспонденция // Северная пчела. 1856. № 31 (8 февраля). С. 1–3.
- Шулежкова С. Г. «И жизнь, и слезы, и любовь...»: Происхождение, значение, судьба 1500 крылатых слов и выражений русского языка. М.: Флинта; Наука, 2011. 848 с.

References

- Ashukin N. S., Ashukina M. G. *Krylatye slova: Literaturnye tcitaty; Obraznye vyrazheniya* [Winged words: Literary quotes; Tropes]. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1987. 528 p.
- Babkin A. M., Shendetsov V. V. *Slovar' inoyazychnyh vyrazhenii i slov: V 2 t.* [A dictionary of foreign-language expressions and words: In 2 volumes]. Leningrad, Nauka Publ., 1981–1987. 696 p.
- Berkov V. P., Mokienko V. M., Shulezhkova S. G. *Bol'shoi slovar' krylatykh slov i vyrazhenij russkogo yazyka: V 2 t.* [A big dictionary of winged words and expressions of the Russian language: In 2 volumes]. Magnitogorsk, Magnitogorsk St. Univ. Publ.; Greifswald, Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2008.
- Erofeeva N. N. [About cultural depth of the popular expression “the smoke of the Fatherland is sweet”]. *Dialog kul'tur. Materialy nauchnoi konferentsii «Vipperovskie chteniya – 1992»* [A dia-

- logue of cultures: Materials of the research conference “Vipperovskiye readings – 1992”. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 1994, pp. 77–87. (In Russ.)
- F. B. [F. V. Bulgarin]. [Notes, extracts and correspondence]. *Severnaya pchela*, 1856, no. 31, pp. 1–3. (In Russ.)
- Griboedov A. S. *Gore ot uma: Komediya v chetyrekh deistviyakh v stihah* [Woe from Wit: A four-act comedy in verse]. L. M. Bash, N. S. Zatsepina, L. A. Ilyushina, R. S. Kimyagarova. *Slovar' yazyka komedii «Gore ot uma»* [A dictionary of the language in the comedy “Woe from Wit”]. Moscow, ONIKS Publ., Mir i Obrazovanie Publ., Russkie slovari Publ., 2007. 592 p.
- Grot Ya. K. [Notes]. Derzhavin G. R. *Sochineniya: V 9 t.* [Works: In 9 volumes]. St. Petersburg, Academy of Sciences Publ., 1864–1883.
- Ivanyuk B. P. [About one reception of Derzhavin's line “The smoke of the Fatherland is sweet and pleasant for us”]. *Derzhavin i kul'tura kazanskogo kraya. Materialy Vserossijskoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 265-letiyu so dnya rozhdeniya G. R. Derzhavina* [Derzhavin and culture of the Kazan region: Materials of the All-Russian research conference devoted to the 265th anniversary since the birth of G. R. Derzhavin]. Kazan', Kazan' State University Publ., 2008, pp. 108–119. (In Russ.)
- Koreshkov K. S., Zel'chenko V. V. [“The smoke of the Fatherland” from Homer to Griboyedov] // *Russkaya sud'ba krylatykh slov* [Russian destiny of the winged words]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010, pp. 461–502. (In Russ.)
- Mihel'son M. I. *Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe: Opyt russkoj frazeologii: Sbornik obraznykh slov i inoskazanii: V 2 t.* [Russian thought and speech. Personal and others': Experience of Russian phraseology: A collection of figurative words and allegories: In 2 volumes]. St. Petersburg, Academy of Sciences Publ., 1902–1903.
- Nikolaev A. A. [Notes]. Tyutchev F. I. *Polnoe sobranie stihotvorenii* [Complete poems]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1987, pp. 359–424. (In Russ.)
- Petrova Z. M. [The smoke of the Fatherland]. *Russkaya rech'*, 1968, no. 6, pp. 82–84. (In Russ.)
- Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochinenii: V 10 t.* [Complete works]: In 10 volumes. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1949.
- Tyutchev F. I. *Polnoe sobranie sochinenij i pis'ma: V 6 t.* [Complete works and letters: In 6 volumes]. Moscow, Klassika Publ., 2002–2004.
- Shulezhkova S. G. «*I zhizn'; i slezy, i lyubov'...*»: *Proiskhozhdenie, znachenie, sud'ba 1500 krylatykh slov i vyrazhenii russkogo yazyka* [“And life, and tears, and love...”: Origin, value, destiny of 1500 winged words and expressions of the Russian language]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., 2011. 848 p.
- Vishnevskii K. D. *Poehma V. V. Mayakovskogo «Horosho»: Kommentarii* [V. V. Mayakovsky's poem “Khorosho”: Comments]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1987. 208 p.
- Vorob'ev Yu. K. *Latinskii yazyk v russkoi kul'ture XVII–XVIII vekov* [Latin in Russian culture of the 17th–18th centuries]. Saransk, Mordovia St. Univ. Publ., 1999. 240 p.
- Vorotnin Yu. [Swallowing the smoke of the Fatherland...]. *Nash sovremennik*, 2016, no. 2, pp. 15–18. (In Russ.)